

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Слова благодарности</i>	<i>vii</i>
ЛЕКЦИЯ 1:	О разделении труда	1
ЛЕКЦИЯ 2:	Взаимодействие развитых и развивающихся государств. Монокультурное взаимодействие	27
ЛЕКЦИЯ 3:	Взаимодействие развитых и развивающихся государств. Инвестиционное взаимодействие	61
ЛЕКЦИЯ 4:	Воспроизводственный контур	95
ЛЕКЦИЯ 5:	Взаимодействие воспроизводственных контуров: деньги	129
ЛЕКЦИЯ 6:	Взаимодействие воспроизводственных контуров: рента	181
ЛЕКЦИЯ 7:	Технологическое разделение труда. Фирма	215
ЛЕКЦИЯ 8:	Научно-технический прогресс	273
ЛЕКЦИЯ 9:	Формирование современной экономической системы	313
ЛЕКЦИЯ 10:	Экономические кризисы	369
	<i>Заключение</i>	<i>425</i>
	<i>Литература</i>	<i>429</i>

Приложение

Как и почему США стали центром современной экономической системы.

Численность населения — необходимый, но далеко не достаточный фактор.

Мы все знаем, что сегодня центром капиталистической экономики являются США, а мировой валютой — американский доллар. Все к этому настолько привыкли, что уже трудно представить себе, что могло бы быть иначе.

Конечное, многие помнят, хотя бы со школьных времен, ну, или узнали из этой лекции, что в XIX веке центром мировой капиталистической системы была Великобритания, а мировой валютой — английский фунт. Есть распространенное мнение, согласно которому США перехватили первенство у Англии, «отсидевшись за океаном» во время Первой мировой войны и нажившись на кредитах и поставках оружия обеим сторонам. Проблема с этой версией заключается в том, что США стали ведущей экономической державой мира еще до начала мировой войны. Просто тогда многим это было еще непонятно, особенно в Европе, а вот после окончания войны стало очевидным, хотя не всем и не до конца, а окончательное осознание этого факта наступило лишь после Второй мировой войны.

У нелюбителей Америки есть еще множество других объяснений такого же толка, но к научному анализу все они не имеют никакого отношения, так что я их рассматривать не буду.

Если же подойти с научной точки зрения, то перед нами, на самом деле, стоит весьма серьезная проблема. После того как в Англии произошла промышленная революция, ничто, казалось бы, не мешало ей оставаться центром мировой капиталистической системы на веки вечные.

С точки зрения вульгарной неэкономики, казалось бы, ответ лежит на поверхности. В США больше населения, поэтому они смогли организовать более глубокое разделение труда, благодаря этому повысилась производительность, и Штаты смогли обойти Великобританию.

Это то, чего я больше всего опасюсь, когда рассказываю про неэкономику. «Разделение труда» — не лозунг и не универсальная

отмычка, позволяющая запросто решать любую проблему. Это не «фактор» в том смысле, как это понимается в современных экономических исследованиях, когда сопоставляются ряды показателей и делается вывод о том, что один из них определяет значение другого (других). Когда мы говорим об экономике, то речь идет всегда о сложных комплексных процессах, в которых разделение труда — важная, но далеко не единственная составляющая. Но которую всегда необходимо учитывать.

Когда я читал книгу Дж. Арриги «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени» — это было давно, но идея про роль разделения труда у меня уже была, — мне тоже сначала казалось, что перемещение центра капиталистического мира из все меньших по размеру экономик во все большие объясняется только этим фактором. Но более тщательный анализ показал, что это не так.

Перемещение центра капиталистического мира, а на самом деле центра концентрации финансового сектора из городов-государств Северной Италии в Голландию, а потом в Англию было связано преимущественно с соображениями безопасности. Экономические соображения, связанные с численностью населения страны, тоже можно найти: опора на узкий рынок труда способствует быстрому росту издержек финансового сектора на данной территории, и появляется интерес перенести эти издержки туда, где их можно снизить. Тем самым создаются предпосылки для углубления разделения труда, но само оно не является движущим мотивом.

А вот после того, как в Англии произошла промышленная революция, объяснить, почему центр капиталистической экономики совершил еще один переезд, трудно. Конечно, можно говорить о возможности «отсидеться за океаном», но, в общем, и в Англии финансовый сектор всегда неплохо себя чувствовал. В конце концов, была еще Канада. Итак, почему же США?

Да, в Америке было создано более глубокое разделение труда, но вовсе не потому, что там тупо было больше населения. Большое население — это необходимое условие, но не достаточное.

Если говорить о численности населения, то в период, когда Америка становилась мировым экономическим лидером, ее преимущество в численности перед Англией было не столь уж и значительным. В 1870 году 40 миллионов против 26, спустя 30 лет 70 миллионов против 37,5. Ну да, почти в два раза больше, но ведь и плотность населения в разы меньше.

Да и не с одной только Великобританией надо сравнивать. А Голландия, Бельгия, Франция, которые к тому времени уже встали на путь индустриального развития во многом за счет английских капиталов. Я не говорю про Германию, Австро-Венгрию и страны Центральной и Восточной Европы, которые находились в зоне их влияния, — но тут все равно английский капитал играл значительную роль. А Британская империя, которая как раз в этот период достигла пика своего расширения? Да и в России, которая хотя и позже, но все-таки вступила на путь индустриализации, населения было гораздо больше.

О взаимосвязи уровня разделения труда и численности населения мы можем говорить в том случае, когда речь идет об изолированных воспроизводственных контурах. Но в то время об этом не могло быть и речи: все работали в рамках единого мирового рынка.

США взаимодействовали с Англией так же, как и все прочие страны, включавшиеся в промышленную революцию. Сначала поставки сырья (в случае США это был, прежде всего, хлопок), затем инвестиционное взаимодействие, в ходе которого элементы английской системы разделения труда механически перемещались на американскую территорию. Речь шла о копировании, а не о чем-то принципиально новом.

Конечно, страны, которые включались в промышленную революцию позже, имели определенные преимущества. Развитие в Англии шло бурно. Размеры вновь образуемых фирм и мощности используемых машин постоянно росли, однако при этом более мелкие фирмы еще продолжали существовать, ориентируясь на свои локальные рынки, неинтересные для вновь создаваемых крупных фирм, нацеленных уже на глобальный рынок. Предприятия же, создаваемые в других странах, сразу создавались как современные крупные производства, максимально эффективные для своего времени.

Так что в среднем эффективность промышленного сектора в новых странах была выше, чем в Англии. Этим объясняется относительный упадок Великобритании к концу XIX века сравнительно и с США, и с Германией¹¹⁶. Но речь опять-таки не идет о более высоком уровне разделения труда.

¹¹⁶ Англия еще и совершила серьезную ошибку, введя запрет на экспорт многих видов оборудования. Оборудование все равно вывозилось, копировалось. В странах-конкурентах создавалось собственное станкостроение, воспитывались собственные инженерные кадры. В результате, когда в 1842 году запрет был снят, Англия не смогла в полной мере извлечь выгоды из специализации на

Особенность США: высокие реальные доходы при низком уровне их монетизации.

Так почему же так получилось, что в США смог сформироваться более высокий уровень разделения труда? Ответ может показаться странным — просто повезло. Случайно так получилось, что несколько различных экономических процессов удачно совпали во времени и пространстве. Другое дело, что сами эти процессы были вполне закономерными.

Начать надо, пожалуй, с уровня реальных доходов. В 1842 году Чарльз Диккенс вернулся в Англию из поездки в Америку и ошарашил своих читателей сообщением о том, что американцы «трижды в день наспех проглатывают в большом количестве животную пищу»¹¹⁷. Изумление вызвала не скорость поглощения пищи, а ее состав. Для Англии того времени это выглядело фантастикой вроде рассказов XVII–XVIII веков о несметных богатствах Востока. Как раз в то время после ряда неурожайных лет цена хлеба возросла вдвое и множество людей просто голодали. Не о мясе, масле, твороге и молоке они мечтали, а о куске хлеба.

Понятно, откуда был такой контраст. В Англии действовали «хлебные законы» (они были отменены только спустя 4 года), практически запретительные для ввоза зерна из-за границы. При этом растущее промышленное население нуждалось в продовольствии, и в оборот вовлекались малоплодородные участки земли, издержки на которых и определяли стоимость хлеба, которая постоянно росла. В результате реальные доходы подавляющего большинства населения были низки.

В Америке же, где «где еще не заселены и не расчищены миллионы акров земли»¹¹⁸, имелась возможность пользоваться естественным плодородием земли, ведя хозяйство на наиболее эффективных участках. Земли было много, практически каждый мог взять себе участок подходящего размера и вести на нем продуктивное хозяйство.

производстве оборудования для остального мира.

¹¹⁷ Цит. по: Назар С. Путь к великой цели. История одной экономической идеи. М.: Corpus, 2013.

¹¹⁸ Назар С. Путь к великой цели. История одной экономической идеи. М.: Corpus, 2013.

Англия в среднем была гораздо богаче, чем Америка, но в Англии основная масса населения была беднее, чем основная масса американцев. В первом томе «Капитала» Маркса есть 25-я, последняя глава, которую обычно никто не читает, но которая имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме. Нам тут не столько важны размышления самого Маркса, сколько тот источник, на который он опирается, — это книга Э. Уэйкфилда «Англия и Америка», изданная в 1833 году.

С точки зрения Уэйкфилда, основной проблемой Америки является отсутствие условий для формирования полноценного рынка труда, аналогичного английскому: «Сомнительно, принадлежит ли в северных штатах Американского союза хотя бы десятая доля населения к категории наемных рабочих... В Англии... большая часть народа состоит из наемных рабочих».

При этом если кто-то и готов работать по найму, то уровень его притязаний на доход гораздо выше, чем в бывшей метрополии: «Где земля очень дешева и все люди свободны, где каждый может по своему желанию получить участок земли для самого себя, там труд не только очень дорог, если принять во внимание долю, получаемую рабочим из его продукта, но там и вообще трудно получить комбинированный труд за какую бы то ни было цену».

Итак, у основной массы потребителей в США реальный доход был выше, чем в Великобритании, при этом номинальные (денежные) доходы были ниже. Об этом свидетельствует следующая зарисовка с натуры: «Свободные американцы, которые сами обрабатывают землю, занимаются в то же время и многими другими работами. Сами они обыкновенно изготовляют часть необходимой для них мебели и орудий. Они нередко строят дома для себя и доставляют продукты своей собственной промышленности на самые отдаленные рынки. Они одновременно прядильщики и ткачи, они изготовляют мыло и свечи, обувь и одежду для своего собственного потребления. В Америке земледелие часто является побочным промыслом кузнеца, мельника или лавочника».

Те, кто сумел что-то извлечь из предыдущих лекций, сразу же увидят в этом описании неразвитость разделения труда вследствие недостатка денег в экономической системе: как общего, так и в финансовом секторе. Индивидуальные производители вынуждены делать все необходимое для собственных нужд не по собственной прихоти, а потому, что не могут всего этого купить. А купить они не могут,

потому что им некому продать излишки продукции от их основного вида деятельности (обычно — сельского хозяйства), потому что у потенциальных покупателей опять-таки нет денег.

Начатки разделения труда в этой системе присутствуют: есть профессии кузнеца и мельника, но представителям этих профессий приходится одновременно заниматься и сельским хозяйством, поскольку их заработка не хватает на то, чтобы обеспечить себе существование за счет профессиональной деятельности. Рынок, на котором они действуют, крайне узок, и эта узость определялась не столько отсутствием людей, сколько отсутствием денег.

Разница между реальными и номинальными доходами проявлялась только тогда, когда речь заходила о найме рабочей силы. Тогда работник просил полную денежную оценку реального потребления, на которое он ориентировался, и эта цена часто оказывалась неприемлемой для работодателя, о чем и повествует нам Уэйкфилд.

Монетизация доходов и увеличение уровня разделения труда.

Америка обходит Великобританию.

Конечно, рано или поздно ситуация в Штатах должна была измениться. По мере роста численности населения, как за счет естественного прироста, так и за счет миграционного, пришлось бы вовлекать в оборот все менее плодородные земли. Естественное плодородие на уже эксплуатируемых землях снизилось бы и, чтобы получить те же самые урожаи, пришлось бы увеличивать издержки. В общем, тот же самый мальтузианский цикл. Реальные доходы основной массы населения начали бы снижаться, и еще неизвестно, в какую категорию государств попали бы США: в развитые, однако при сохранении доминирующей роли Англии, или в развивающиеся. Последнее, конечно, маловероятно, хотя посмотрим на Бразилию; но роль большого сырьевого придатка с более-менее сбалансированной экономикой вроде Канады или Австралии — почему бы и нет?

Для США вопрос заключался в том, как будут соотноситься два тренда. Первый — это снижение уровня реальных доходов под действием мальтузианского цикла, подправленного активной иммиграцией. И второй — как быстро будет идти процесс монетизации эко-

номики, то есть подтягивание номинальных доходов к реальным. Нас в данном случае интересует второй тренд.

Деньги в американскую экономику долгое время поступали за счет экспорта сырья, в первую очередь хлопка. Основным потребителем была Великобритания. США, как и все прочие страны этой эпохи, строили «ловушку для денег», способствуя тому, чтобы они задерживались на территории страны. Америка отгораживалась от мирового рынка высокими тарифами, руководствуясь идеями А. Гамильтона¹¹⁹, первого министра финансов США. Эти идеи, кстати говоря, пришлись по вкусу Фридриху Листу, долгое время жившему в Америке, и были использованы в его известной книге «Национальная система политической экономии» (1841), без упоминания которой не обходится сегодня ни одно рассуждение сторонников протекционистской политики. Я не буду сейчас подробно останавливаться на том, почему с точки зрения неоконномики суждения обоих авторов выглядят односторонними. Кто хочет, может сам над этим подумать. Не буду я и углубляться в историю политической борьбы и противоречий внутри США по поводу тарифной политики. Она хорошо описана во множестве других книг.

Главное, что нас в данном случае интересует, — это то, что принятые меры способствовали быстрой монетизации американской экономики. Помогло и быстрое развитие инфраструктуры: сначала строительство канала Эри, а потом и сети железных дорог. Много выиграла Америка и от отмены «хлебных законов» в Великобритании. Калифорнийская золотая лихорадка добавила драгоценных металлов внутриамериканскому рынку.

Номинальные доходы стали сближаться с реальными, при этом реальные доходы все еще оставались на достаточно высоком уровне. США стали привлекательным рынком для промышленно развитой Великобритании, но были закрыты высокими таможенными пошли-

¹¹⁹ «Превосходство, которым издавна обладают государства, заботливо доводившие до совершенства ту или иную отрасль промышленности, представляет собой грозное препятствие... для учреждения той же отрасли в стране, где она прежде не существовала. Поддерживать конкуренцию на равных условиях между недавно созданной промышленностью одной страны и зрелой промышленностью другой, как по ценам, так и по качеству, в большинстве случаев нецелесообразно. По необходимости разница в условиях должна быть значительной, ведь, чтобы не дать сопернику добиться успеха, потребна чрезвычайная помощь и защита государства». *Гамильтон А.* Доклад о мануфактурах.

нами. В Америку потоком хлынули английские инвестиции, что способствовало ускорению монетизации американской экономики.

Однако в отличие от других стран, которые развивались по аналогичной схеме, в США был не только обширный и богатый внутренний рынок, но и более высокая, чем в Англии, стоимость труда. Судя по всему, выгоды от торговли внутри Америки перекрывали потери, связанные с высокой стоимостью рабочей силы. Но при этом существовали сильные стимулы для того, чтобы снизить трудоемкость производимой продукции за счет более глубокого разделения труда.

Дж. Гобсон, автор книги «Эволюция современного капитализма» (1894), описывал это так:

«Давление высокой заработной платы есть более могущественная сила и энергичнее влечет к применению усовершенствованных машин. В текстильной, равно как и в железной индустрии Соединенные Штаты представляют собой пример фабрик, стоящих гораздо выше английских.

Некоторые процессы снования и разматывания (*warping and winding*) делаются машинами в Америке и руками в Англии. Приготовление цепей и гвоздей, при котором работает много женщин в Южном Стаффордшире и Ворчестершире, выполняется в Америке дешевле машинами».

Снижение трудоемкости производимой продукции, опиравшееся на обширный¹²⁰ и богатый американский рынок, позволило удешевить продукцию по сравнению с английской. И это при том, что стоимость рабочей силы оставалась относительно высокой. Американские товары на мировом рынке стали более конкурентоспособными, чем английские, и начали вытеснять их с мирового рынка. Это были не только традиционные товары, но и новые.

Например, автомобили. В Европе с ее низким уровнем доходов подавляющей части населения автомобильный рынок был узок и не позволял организовать разделение труда, достаточное для того, чтобы снизить издержки настолько, чтобы автомобиль стал доступен широкому потребителю, несмотря на низкую стоимость рабочей силы. В Штатах это сделать удалось, и началось завоевание европейского рынка. Автомобили с тех пор завоевали весь мир.

А Америка стала центром мировой экономической системы.

¹²⁰ Все-таки фактор численности населения сыграл свою роль.